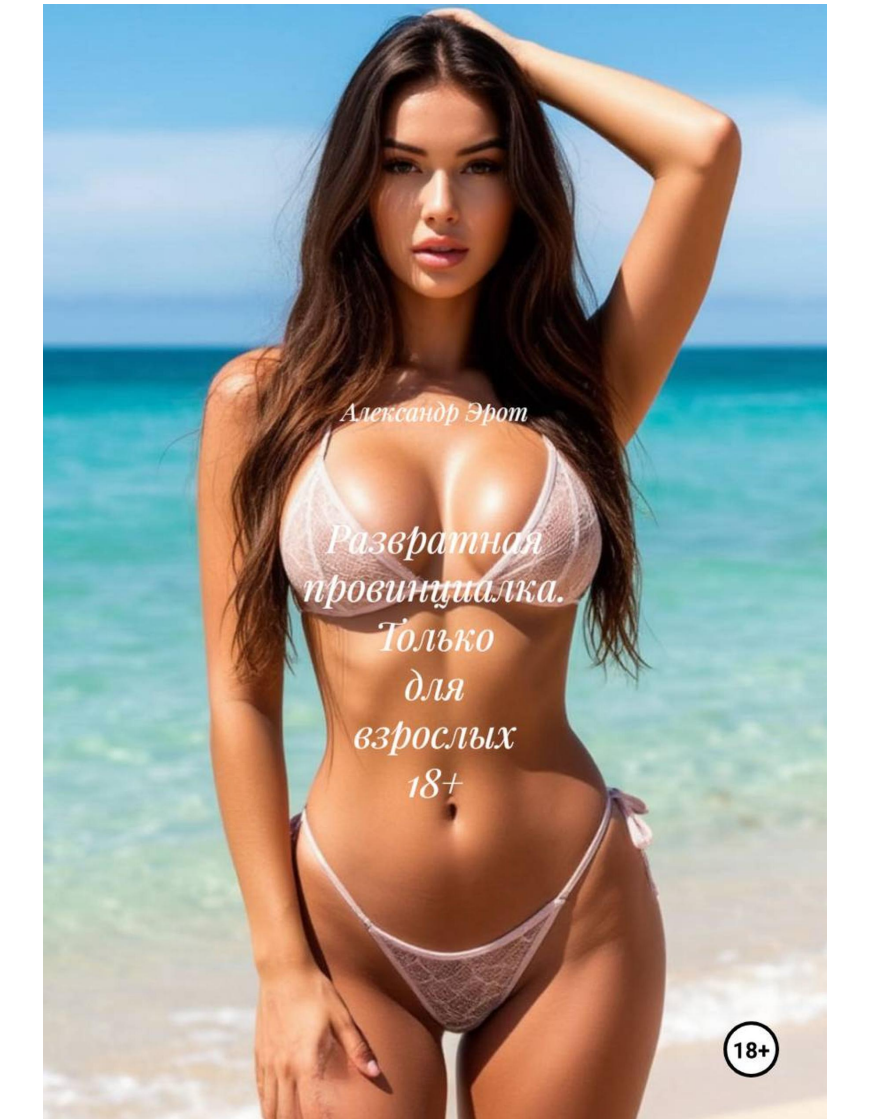

A full-page photograph of a woman with long, dark, wavy hair standing on a beach. She is wearing a light-colored, lace-trimmed bikini. Her right hand is raised behind her head, and her left hand is resting on her hip. The background shows the ocean and a clear blue sky.

Александр Эрот

*Развратная
провинциалка.*

*Только
для
взрослых
18+*

18+

Александр Эрот

Развратная провинциалка.

Только для взрослых 18+

<https://litres.ru/74396742>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухой деревне скромная вдова Лизавета жила неприметной жизнью, послушно пряча глаза под темным платком. Всё изменилось, когда появился он. Заезжий плотник Матвей не просто построил новую крышу на колхозном амбаре — он до основания разрушил тюрьму её стыда. Через первобытную, грязную страсть, жесткое подчинение и обжигающие уроки он инициировал Лизу, открыв ей главную истину: нет греха, кроме отрицания собственной природы.

Но что происходит, когда Искуситель уходит, оставляя свою лучшую ученицу?

Ее первой жертвой становится невинный соседский парнишка. Пока его мать стоит по ту сторону двери, Лиза хладнокровно превращает дрожащего от ужаса юношу в своего покорного раба. Она больше не жертва. Она — полновластная Госпожа, которая заставит весь этот спящий, лицемерный мир молиться в своем невидимом храме абсолютного наслаждения.

Готовы ли вы узнать, как далеко можно зайти, сорвав все запреты? Откровенная, шокирующая и гипнотическая история о том, как рождаются порочные божества.

Александр Эрот

Развратная провинциалка.

Только для взрослых 18+

Лето пришло в деревню Кунькино так, как приходит только в этих местах — сразу и полностью, как мужчина входит в дом, где его давно ждали. Лиза рано осталась вдовой и жила, мечтая о мужской ласке, скрывая эту жажду за плотно задернутыми занавесками своей избы и глухими воротами двора.

Ее одиночество длилось три года. Три долгих зимы, сковывавших тело холодом, три весны, бередивших душу ложными надеждами, и вот теперь — лето. Оно обрушилось на деревню невыносимым, густым зноем. Воздух дрожал над пыльной дорогой, пахнул полынью, переспелой земляникой и той животной, первобытной силой земли, которая заставляет все живое тянуться друг к другу в слепом инстинкте размножения.

Лизе было двадцать шесть. Ее тело, созданное для любви, для долгих, тягучих ночей, для тяжести мужского тела и жадных губ, увядало в целомудрии, которого она не просила. Вдовство стало для нее не столько горем, сколько медленной пыткой плоти. По ночам она просыпалась от собственного стога, ее руки бессознательно скользили по горячей коже, искали того, кого не было рядом. Она изучала себя, свои из-

гибы, впадины, тайные уголки, где пульсировала неутоленная жизнь, и плакала от бессилия, потому что даже самое изошренное женское воображение не может заменить грубой, властной мужской реальности.

В этот день жара достигла своего апогея. Лиза, одетая лишь в тонкое ситцевое платье, надетое на голое тело, спасалась в прохладе старого яблоневого сада. Платье, влажное от пота, прилипало к ее высокой, налитой груди, очерчивало упругий живот и крутые бедра. Она лежала на расстеленном покрывале, раскинув руки, и сквозь полуприкрытые веки смотрела, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву. Каждый ветерок, касавшийся ее обнаженных ног, казался ей чьим-то дразнящим прикосновением. Природа словно издевалась над ней, демонстрируя свою безудержную плодovitость. Гудели тяжелые шмели, где-то в траве стрекотали кузнечики, воздух был насыщен пылью — семенем цветов, ищущим свое лоно.

«Я сойду с ума, — подумала Лиза, проведя рукой по влажной шее, спускаясь к груди. — Я просто высохну, как эта трава без дождя».

Она закрыла глаза, погружаясь в сладостную и мучительную дрему. В своих фантазиях она давно перестала быть той скромной деревенской женщиной, какой ее знали соседи. В этих видениях она была ненасытной, бесстыдной, она отдавалась незнакомцам в высокой ржи, позволяла связывать свои руки шелковыми лентами, умоляла о грубости. Ее внут-

ренный мир был тайным храмом Эроса, где она была и жрицей, и жертвой.

Скрип старой калитки разорвал тишину сада.

Лиза вздрогнула и резко села, инстинктивно одергивая подол платья. В проеме калитки стоял мужчина. Это был чужак.

Высокий, широкоплечий, с кожей, загорелой до цвета старой меди. На нем были только потертые штаны; торс блестел от пота, играя рельефом мышц при каждом движении. В руке он держал плотницкий инструмент. Лиза вспомнила: председатель говорил, что для ремонта обвалившейся крыши на колхозном амбаре, который примыкал к ее участку, наняли бригаду шабашников.

Мужчина остановился. Его взгляд, тяжелый, темный, как вода в омуте, безошибочно нашел Лизу в тени яблонь. Он не отвел глаз. В этом взгляде не было ни смущения, ни извинения за вторжение. Он смотрел на нее так, как голодный волк смотрит на трепещущую лань, но в то же время — как ценитель искусства смотрит на обнаженную статую. Он сканировал ее: растрепанные волосы, порозовевшие от сна щеки, тяжелую грудь, отчетливо проступающую сквозь тонкий ситец, и босые ступни, испачканные в травяном соке.

Лиза почувствовала, как внизу живота разливается горячая, пульсирующая волна. Ее соски мгновенно затвердели, проткнув ткань платья, как две дерзкие пуговицы. Она не могла пошевелиться. Она попала в ловушку его взгляда, и,

к своему ужасу и восторгу, поняла, что не хочет из нее выбираться.

— Воды не найдется, хозяйка? — его голос был низким, с хрипотцой, которая царапнула ее слух, вызвав мурашки по всему телу.

— В колодце, — едва слышно выдавила она, чувствуя, как пересохло во рту. — Там, за домом.

Он кивнул, но не тронулся с места. Еще несколько долгих секунд он продолжал пить ее глазами, словно вода была нужна не его горлу, а его похоти. Затем медленно, почти лениво, развернулся и пошел к дому.

Лиза упала обратно. Ее сердце колотилось так, словно она пробежала версту. Она прижала ладони к горящим щекам. Запах его пота — резкий, мужской, мускусный — все еще висел в воздухе, смешиваясь с ароматом яблок. Это был запах самой жизни, запах самца.

Весь день она была как в лихорадке. Она слышала стук его молотка на крыше амбара, и каждый удар отдавался эхом в ее теле. Она пыталась заниматься домашними делами, но все валилось из рук. Подойдя к окну, она тайком наблюдала за ним. Его звали Матвей — она услышала, как ему крикнул напарник. Матвей двигался с кошачьей грацией, его спина блестела на солнце, мышцы перекачивались под кожей, когда он поднимал тяжелые балки. Лиза представляла эти руки на своих бедрах, эти широкие ладони, сжимающие ее грудь.

Вечером, когда сумерки начали стирать очертания пред-

метов и жара сменилась бархатной, душной теплотой летней ночи, бригада ушла. Но Лиза знала, что это не конец. В его взгляде утреннем было обещание. Обещание, которое он не мог не сдержать, а она не могла не принять.

Она не стала зажигать керосиновую лампу. В темноте чувства обостряются, становятся осязаемыми. Лиза налила в таз холодной воды и начала мыться. Она губкой проводила по шее, плечам, груди, позволяя каплям стекать по животу, путаясь в темных завитках волос внизу. Каждое прикосновение к себе было мукой ожидания. Она не стала надевать белье. Только накинула на влажное тело старый шелковый халат — единственную роскошь, оставшуюся от прошлой жизни. Ткань скользила по коже, как жидкое пламя.

Она оставила входную дверь незапертой. Это было молчаливое приглашение, брошенный вызов.

Около полуночи, когда в деревне смолкли последние собаки и только хор цикад заполнял тишину, она услышала шаги. Тихие, уверенные шаги на крыльце. Скрипнула половица. Дверь медленно отворилась, впуслав в комнату полосу лунного света и запах табака, дерева и мужской кожи.

Лиза стояла у окна, повернувшись к нему спиной. Она не дрожала от страха, она дрожала от предвкушения, как натянутая тетива лука перед тем, как выпустить стрелу.

— Я знал, что открыто, — произнес Матвей из темноты.

Она обернулась. В полумраке он казался еще больше. Он подошел ближе, остановившись в шаге от нее. Между ними

словно искрил воздух. Лиза подняла глаза. В лунном свете его лицо было напряженным, скулы заострились. Он не спешил. Он понимал искусство паузы, ту философию желания, когда ожидание прикосновения сводит с ума сильнее самого прикосновения.

Матвей протянул руку и кончиками грубых, мозолистых пальцев коснулся ее щеки. Контраст его шершавой кожи и ее нежности был опьяняющим. Лиза непроизвольно выдохнула и прикрыла глаза, подаваясь навстречу его руке.

— Ты пахнешь медом и ожиданием, — прошептал он, скользя пальцами по ее шее вниз, к вырезу шелкового халата.

— Я ждала слишком долго, — ее голос сорвался, превратившись в хриплый стон.

Он не стал тратить время на пустые разговоры. Его руки, сильные, знающие толк в работе с неподатливым материалом, легли на плечи Лизы и одним движением сбросили халат. Шелк с легким шорохом скользнул к ее ногам, оставив ее абсолютно обнаженной перед его взглядом.

Матвей шумно втянул воздух. Его глаза потемнели еще больше. Он обвел взглядом ее высокую, трепещущую грудь с набухшими, темными сосками, плавную линию талии, крутые бедра.

— Какая красота пропадает, — пробормотал он, и в следующее мгновение его губы впились в ее губы.

Его язык властно проник в ее рот, исследуя, подчиняя, пробуя на вкус. Лиза ответила ему с наименьшей яростью. Ее

руки, истосковавшие по мужскому телу, обвились вокруг его шеи, зарылись в густые, жесткие волосы. Она прижалась к нему всем телом, чувствуя сквозь его грубую ткань штанов твердость его желания — горячую, пульсирующую сталь, которая была готова разорвать ее одиночество.

Матвей оторвался от ее губ и, подхватив Лизу под бедра, легко оторвал от пола. Она инстинктивно обхватила его торс ногами, обнажая перед ним свое влажное, пульсирующее лонно. Он понес ее к кровати. Бросив ее на прохладные льняные простыни, он на секунду замер, возвышаясь над ней. Лиза смотрела, как он быстро избавляется от одежды. Когда он предстал перед ней обнаженным — массивный, первобытный, с напряженной, готовой к бою плотью, — она почувствовала сладкий укол первобытного страха, который только усилил ее возбуждение.

Он опустился на нее, но не вошел сразу. Матвей оказался искушенным любовником, понимающим, что голодающую нужно кормить медленно. Его губы скользнули по ее шее, спускаясь к груди. Он взял один сосок в рот, слегка прикусил его зубами, а затем начал дразнить языком. Лиза выгнулась дугой, вскрикнув от острой, пронзительной сладости. Его руки тем временем блуждали по ее телу, сминали груди, гладили живот, спускаясь все ниже.

Его пальцы нашли ее тайный центр, который уже истекал соком, готовый принять его. Он коснулся ее там, где она была наиболее уязвима, и Лиза потеряла контроль. Она начала

метаться по кровати, ее ногти впивались в его плечи, оставляя красные полумесяцы.

— Пожалуйста... — умоляла она, забыв о гордости, о стыде. В мире Эроса нет стыда, есть только честность тела. — Пожалуйста, сейчас... Я больше не могу.

Матвей усмехнулся, глядя на нее сверху вниз затуманенным от страсти взглядом. Он развел ее колени шире, устранив их между ними.

— Смотри на меня, Лиза. Смотри на меня, когда я буду возвращать тебя к жизни, — приказал он.

Она широко распахнула глаза, полные слез наслаждения. Он подался вперед. Первое проникновение было медленным, безжалостным в своей неотвратимости. Он входил в нее миллиметр за миллиметром, растягивая ее отвыкшее от мужского естества тело. Лиза захлебнулась воздухом. Ей казалось, что он заполняет ее целиком, до самого горла, вытесняя из нее пустоту, страх и одиночество, заменяя их огнем.

Когда он вошел до конца, они оба замерли. Это была та самая секунда абсолютного баланса, вершина мира, где двое сливаются в одно двуполое существо, о котором писали древние философы.

Затем Матвей начал двигаться. Сначала медленно, тягуче, выходя почти полностью и возвращаясь с новой силой. Каждый его толчок отдавался в мозгу Лизы вспышкой белого света. Она отвечала на его движения, поднимая бедра, ловя его ритм, становясь с ним единым целым. Шлепки тел,

тяжелое, прерывистое дыхание, скрип старой кровати — все это слилось в первобытную симфонию страсти.

С каждым мгновением темп нарастал. Матвей перестал быть нежным. Он брал ее жестко, властно, так, как она и мечтала в своих постыдных фантазиях. Он переворачивал ее, заставляя отдаваться в новых позах, брал ее сзади, грубо сжимая ягодичы, заставляя ее стонать в подушку, пока не сорвала голос.

Она чувствовала, как внутри нее скручивается тугая, обжигающая пружина. Напряжение росло, становилось невыносимым, пока, наконец, с громким, гортанным криком, Лиза не взорвалась тысячью осколков. Оргазм накрыл ее мощной волной, заставляя ее тело конвульсивно сжиматься вокруг него, выжимая из него последние соки. Матвей зарычал, как зверь, вбивая себя в нее в последний, самый глубокий раз, и излился внутрь, наполняя ее.

Они лежали в темноте, тяжело дыша, переплетенные руками и ногами, липкие от пота и любовных соков. Ночная прохлада, проникшая в открытое окно, приятно холодила разгоряченную кожу.

Лиза положила голову на его широкую, волосатую грудь, слушая, как успокаивается его сердцебиение. Она не знала, останется ли он до утра, вернется ли завтра. В философии наслаждения нет места мыслям о будущем. Есть только здесь и сейчас. И сейчас, в этой темной избе в деревне Кунькино, лето вошло в нее не только жарой, но и жизнью. Вдова умер-

ла. Родилась женщина. И это было только начало ее долгого, сладостного пути к познанию себя.

Утро прокралось в избу неспешно, сквозь щели в плотно задернутых занавесках, расчертив полумрак тонкими золотистыми лезвиями света. Лиза проснулась не от крика петухов и не от мычания коров, которых гнали на пастбище. Она проснулась от того, что на нее смотрели.

Она пошевелилась. Тело отозвалось сладкой, тягучей болью — в бедрах, в пояснице, в нежных тканях, которые ночью подверглись яростному и прекрасному штурму. Это была боль жизни, боль натянутой струны, которая, наконец, зазвучала.

Лиза приоткрыла глаза. Матвей сидел на краю кровати, уже в своих потертых штанах, но с обнаженным торсом. Но она чувствовала его взгляд всем телом. Он скользил по ее разметавшимся по подушке волосам, по изгибу шеи, по обнаженной груди, на которой в свете утра отчетливо виднелись красноватые следы его губ.

В прежней жизни — жизни вдовы, праведницы, затворницы — Лиза немедленно натянула бы на себя одеяло, сгорая от стыда. Но сейчас, в этом новом мире, где Эрос диктовал свои законы, стыд казался нелепым пережитком. Она потянулась, как сытая кошка, намеренно выгибая спину и позволяя простыне соскользнуть еще ниже, обнажая крутой изгиб бедра.

— Ты смотришь на меня так, будто хочешь съесть, — ее

голос прозвучал низко, с хрипотцой, от которой она сама удивилась.

— Я смотрю на женщину, которая только что родилась, — медленно произнес он. — Ночью в темноте все кошки серы. А страсть вслепую — это лишь половина удовольствия. Настоящая власть над телом начинается при свете дня.

Он подошел к окну и одним резким движением отдернул занавески. Комнату залило ослепительным, беспощадным утренним солнцем. Лиза инстинктивно зажмурилась, прикрыв лицо рукой.

— Убери руки, — приказал Матвей. Это не было просьбой. В его тоне звучала та спокойная властность, которой подчиняются добровольно и с трепетом.

Она опустила руки. Солнечные лучи упали на ее наготу, высвечивая каждую пору, каждую каплю высохшего пота, каждую складочку кожи. Она чувствовала себя абсолютно беззащитной, распятой на этом ложе света, и от этого чувства внизу живота вновь начала скручиваться тугая, пульсирующая спираль возбуждения.

Матвей подошел к ней. В руках он держал небольшую глиняную миску с водой, оставшуюся с вечера, и кусок грубого холста.

— Власть и покорность, Лиза, — произнес он, садясь рядом с ней. — Две стороны одной монеты. Ночью ты брала то, что хотела. Сейчас ты будешь принимать то, что я решу тебе дать. Лежи смирно.

Он обмакнул холст в прохладную воду и медленно провел им по ее лицу. Контраст ледяной воды и горячей, разморенной сном кожи заставил ее вздрогнуть. Затем ткань скользнула ниже. Ключицы. Ложбинка между грудей. Он обводил каждый сосок влажной тканью, не касаясь их пальцами, заставляя их сжиматься, твердеть, превращаться в темные, просящие ягоды. Лиза прерывисто вздохнула.

— Не двигайся, — прошептал он, и его голос был сродни гипнозу.

Холст скользил по ее ребрам, очерчивал впадину пупка. Матвей работал, как скульптор, который не просто очищает мрамор, но заново лепит форму, пробуждая в камне жизнь. Он развел ее колени и провел влажной тканью по внутренней стороне бедер. Лиза невольно подалась навстречу его руке, ее бедра дрогнули, влага, уже скопившаяся между ее лепестками, смешалась с каплями колодезной воды.

Но Матвей не спешил. Он отбросил холст в сторону и наклонился над ней. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее лона. Лиза замерла, не в силах поверить в происходящее. В деревне, в этом грубом крестьянском мире, о таких ласках не то что не говорили — о них даже не смели думать. Это было чем-то из области запретных, почти дьявольских знаний.

Его горячее дыхание коснулось ее самой чувствительной точки. Лиза выгнулась дугой, ее пальцы впились в простыню.

— Матвей... — выдохнула она, теряя связь с реальностью.

Он не ответил. Его язык — шершавый, властный, не знающий преград — коснулся ее. Он попробовал ее на вкус, медленно, вдумчиво, как гурман дегустирует редкое вино. Затем он начал двигаться. Это были дразнящие, легкие прикосновения, от которых по телу Лизы расходились волны электрического разряда. Он то проникал глубже, исследуя ее влажные недра, то сосредотачивался на той крошечной жемчужине плоти, которая сейчас была центром всей ее вселенной.

Лиза перестала существовать как личность. Она превратилась в чистое ощущение. Солнечный свет перед закрытыми глазами стал кроваво-красным. Она металась по кровати, но сильные руки Матвея, легшие на ее бедра, пригвоздили ее к месту, заставляя принимать наслаждение до последней капли, не давая сбежать от этой мучительной сладости.

Ее стоны становились все громче, они уже не походили на человеческий голос — это был скулеж животного, попавшего в капкан собственного желания.

— Да, — шептал он в короткие паузы, не отрывая взгляда от ее разгоряченного лона. — Отдавайся этому. Забудь все, что ты знала раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.